

А. О. ВИЙРЕС

ЭСТОНСКАЯ СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ (1940—1960)

Победоносное революционное выступление эстонского пролетариата летом 1940 г. ознаменовало начало новой эпохи в истории эстонского народа. Опираясь на помощь и опыт старших братских республик Советского Союза, трудящиеся Эстонской ССР под руководством Коммунистической партии могли теперь приступить к строительству социализма. Несмотря на то, что уже в ближайшие годы эстонскому народу пришлось пройти тяжелые испытания Великой Отечественной войны, в 1940 г. была заложена твердая основа для развития социалистического хозяйства и культуры в Эстонской ССР. На новый, советский путь развития вместе со всеми отраслями наук вступила и эстонская этнография.

В предшествующие десятилетия в Эстонии была создана весьма прочная база для исследовательской работы в области этнографии, прежде всего в виде крупных коллекций предметов материальной культуры эстонского народа. Во второй половине XIX в. с развитием национального движения возрос интерес к историческому прошлому народа, к его культуре и быту. В связи с этим были сделаны и попытки создать этнографические музеи, что на первых порах не увенчалось успехом. И только в 1909 г. в Тарту был основан Эстонский народный музей. Благодаря энергичной деятельности руководителей музея, особенно фольклориста Оскара Калласа и художника Кристьяна Рауда, сбор этнографического материала стал действительно народным делом. Спустя несколько лет Музей уже насчитывал около 20 тысяч этнографических предметов.

В период буржуазной диктатуры Эстонский народный музей был центральным исследовательским учреждением республики в области этнографии. За неимением специально подготовленных национальных кадров в 1922 г. на должность директора музея был приглашен финский этнограф Ильмари Маннинен (1894—1935), который возглавил работу по сбору и научной обработке этнографических материалов и, являясь одновременно доцентом этнографии Тартуского университета, подготовил первые кадры эстонских этнографов. И. Маннинен и сменивший его на посту директора музея Ф. Линкус (1895—1942) разработали систему упорядочения этнографических фондов с многочисленными вспомогательными картотеками, позволяющими исследователю быстро и без особых затруднений получить всестороннее представление о любом музейном предмете.

При сборе этнографических материалов сотрудники музея прежде всего стремились восполнить пробелы в фондах, а также сосредоточить в музее по возможности все коллекции, имевшиеся в распоряжении других учреждений или в частных руках. Особое внимание уделялось паспортизации поступающих в музей вещей и составлению более или менее подробных легенд к ним. Наряду со сбором этнографических предметов важное место в работе музея заняло составление (на основе соответствующих вопросников) описаний по отдельным отраслям материальной культуры. Велась также систематическая работа по обмеру старинных крестьянских построек по кихелькондам (приходам). Эти работы выполнялись в основном силами студентов Тартуского университета и художественных училищ. Особенно удачным мероприятием было создание в 1931 г. республиканской сети корреспондентов — крестьян, ремесленников и сельской интеллигенции, присылавших ответы на вопросники музея. Так как материальные средства музея были зачастую более чем скромны, сеть корреспондентов, работавших безвозмездно и очень охотно, в значительной степени помогала накоплению этнографических материалов в музее. Кроме того, благодаря их работе укреплялась связь музея с народными массами.

Развитие этнографической исследовательской работы в буржуазной Эстонии протекало в духе традиций финской этнографии того времени. На основе типологического метода детально изучались отдельные области материальной культуры, широко использовались картографирование и культурно-географический метод с целью выявления культурных заимствований и черт предполагаемой финно-угорской культурной общности. Конкретный же исторический процесс, не говоря уже о социально-экономических факторах, почти совершенно выпадал из поля зрения исследователя. Таким

образом, исследователи ограничивались в основном анализом вещественного материала, не доводя свою работу до научного синтеза. Из важнейших исследований того времени следует отметить прежде всего обзорный труд И. Маннинена по материальной культуре эстонского народа «Die Sachkultur Estlands», I—II (Тарту 1933), который из-за смерти автора остался незавершенным. В опубликованных частях этого труда дается обзор охоты, рыболовства, земледелия и построек. Выше в свет еще ряд монографий на эстонском языке — о народной одежде¹, о крестьянском жилище², о рыболовстве на Чудском и Псковском озерах³ и о бортичестве. В Ежегоднике Эстонского народного музея⁴ и других периодических изданиях было опубликовано еще ряд научных статей, посвященных разработке частных вопросов.

Такова была база, на которую могла опереться молодая эстонская советская этнография в 1940 г. Музейные фонды были уже очень значительны: на 31 марта 1940 фонды Эстонского народного музея насчитывали 43 363 этнографических предметов (в том числе 40 305 с территории Эстонии), 27 696 страниц (15 582 листа) этнографических описаний, 2502 листа этнографических рисунков и чертежей (преимущественно планы и разрезы крестьянских построек), 54 697 страниц ответов корреспондентов на вопросники и 26 454 фотоснимка. Имелись также опубликованные монографические обзоры ряда важнейших областей материальной культуры. Наконец, имелись уже специально обученные кадры научных работников, из которых, правда, в условиях буржуазной Эстонии, только немногие могли работать по специальности. В начале 1940 г. работало всего лишь пять этнографов-профессионалов (в предшествующие годы — и того меньше).

В 1940 г. одним из первых шагов Советской власти была реорганизация научной исследовательской работы в республике и расширение материальных возможностей этой работы. На базе Отдела народоведения Эстонского народного музея было создано центральное республиканское научно-исследовательское учреждение специального профиля — Государственный этнографический музей, со значительно увеличенными штатом и бюджетом. Продолжался интенсивный сбор материалов и концентрация в музее имевшихся в республике этнографических коллекций. Фонды этнографических предметов в музее достигли в 1941 г. 52 468 единиц, увеличившись за один год больше чем на 9 тысяч единиц. Это расширение работ — основной показатель вступления эстонской этнографии на новый путь развития. В методологической же перестройке этнографической научно-исследовательской работы удалось сделать лишь первые шаги. Важнейшим достижением в этой области было создание делового контакта с Институтом этнографии Академии наук Союза ССР и музеями Москвы и Ленинграда с целью обмена опытом работы.

Летом 1941 г. все это мирное культурное строительство внезапно было прервано. В тяжелые годы оккупации главнейшей задачей эстонских этнографов была забота о спасении от гибели собранных на протяжении десятилетий культурных ценностей. Несмотря на исключительные трудности, большую и наиболее ценную часть музейных фондов удалось эвакуировать и разместить в разных сельских местностях. Когда летом 1944 г. оккупанты, отступая из Тарту, подожгли здание музея, в нем погибла лишь сравнительно небольшая часть коллекций музея (8,4%), в том числе около 400 этнографических предметов, которые не удалось эвакуировать.

Сразу после освобождения республики, Советская власть еще до окончания войны уделила серьезное внимание восстановлению этнографического музея — одного из важнейших культурных учреждений Советской Эстонии. Осенью 1944 г. был заново укомплектован штат музея, причем в больших размерах, чем в 1940 г. В сильно пострадавшем от войны городе Тарту было выделено наиболее подходящее для музея здание. Основная работа музея в 1945—1946 гг. состояла в эвакуации и предварительном упорядочении фондов. Ликвидация последствий войны и нанесенного музею ущерба продолжалась до 1952 г., когда был закончен послевоенный контрольный переучет музейных коллекций. Наряду с восстановительными работами сразу же стала развиваться и научно-исследовательская, а также культурно-массовая деятельность музея. Уже к концу 1945 г. была открыта первая временная экспозиция. Была восстановлена и сеть корреспондентов. Когда в 1946 г. была организована Академия наук Эстонской ССР, музей вошел в ее систему. Это обеспечило наилучшие условия для развития и расширения этнографической работы в республике. Начиная с этого времени, возобновился сбор этнографических материалов и усилилась научно-исследовательская работа.

¹ I. M a n n i n e n, Eesti rahvariiete ajalugu (История эстонской народной одежды). «Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat», III, Тарту, 1927; H. K u r r i k, Eesti rahvarõivad (Эстонская народная одежда), Тарту, 1938.

² G. R ä n k, Saaremaa taluehitised (Крестьянские постройки на о. Сааремаа), I, «Opetatud Eesti Seltsi Kirjad», V, Тарту, 1939.

³ G. R ä n k, Peipsi kalastusest (О рыболовстве на оз. Пейпси), «Opetatud Eesti Seltsi Kirjad», II, Тарту, 1934.

⁴ F. L i n n u s, Eesti vanem mesindus (Эстонское старинное пчеловодство). I. «Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat», XII—XIII, Тарту, 1939.

⁵ «Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat», I—XIV, Тарту, 1925—1939.

Общее руководство в разработке основных направлений этнографической работы в республике на протяжении всего послевоенного периода осуществляет академик АН ЭССР проф. Х. Моора.

В первые послевоенные годы ощущался большой недостаток в сотрудниках, имеющих соответствующее специальное образование и получивших советскую научно-профессиональную подготовку. В Тартуском государственном университете было возобновлено преподавание этнографии, и в 1950 г. был первый выпуск молодых этнографов. К сожалению, в университете по сей день еще нет должности штатного преподавателя по этнографии, что до некоторой степени отрицательно сказывается на уровне подготовки студентов-этнографов. Кадры высшей квалификации готовились преимущественно при Институте этнографии АН Союза ССР, а также через аспирантуру при Тартуском университете и Институте истории АН Эстонской ССР. В начале 1950-х годов этнографическую работу в республике несколько затормозили допущенные ранее некоторые ошибки в подборе и расстановке кадров. Тем не менее, к тому времени кадры эстонских этнографов уже настолько выросли в количественном отношении, что можно было приступить к расширению фронта работ. В 1952 г. при Секторе археологии Института истории АН ЭССР была создана группа этнографов (с 1958 г. сектор переименован в Сектор археологии и этнографии). В настоящее время в системе Академии наук Эстонской ССР этнографией занимается 17 научных сотрудников; из них 14 работают в Этнографическом музее и 3 — в Институте истории.

Этнографическая работа в республике ведется и вне Академии наук. Важное место в этом отношении должен занять организующийся в Таллине Эстонский государственный парк-музей, который будет знакомить широкую общественность с зодчеством и бытом эстонского крестьянства преимущественно XIX в. Организация музея началась в 1957 г., и по плану он откроется целиком в 1963 г.

Серьезных успехов достигла краеведческая работа на местах. Для координации этой работы по всей республике при Академии наук была создана в 1958 г. Краеведческая комиссия, возглавляемая членом-корреспондентом АН Союза ССР проф. Х. Круусом. Центральное место в работе комиссии занимает подготовка к изданию обширной научной серии «Районы и города Эстонской ССР», в отдельных выпусках которой будет уделено место и этнографической характеристике каждого района. В Валгаском районе (южная Эстония) по инициативе местных краеведов и под руководством работника Народного дома Альфреда Леппа возник Мыннестский сельский музей — одно из интереснейших культурных учреждений этого рода в Эстонской ССР. В его этнографической коллекции имеются и некоторые уникальные предметы. В 1957 г. этот музей был превращен в филиал Валгаского межрайонного краеведческого музея и получил таким образом официальное признание. Заслуга местных краеведов — создание в 1959 г. Эльваского межрайонного краеведческого музея. В целом по республике в настоящее время действуют восемь краеведческих музеев, из которых наиболее богаты этнографические коллекции Вильяндского музея. Ценным достижением было также создание в 1959 г. в западной части острова Сааремаа в дер. Вики музея-усадыбы «Михкли» — филиала Сааремааского краеведческого музея, где сохранен весь комплекс построек с многочисленным хозяйственным инвентарем, который был характерен для крестьянских усадеб второй половины XIX в.

Краеведческая работа заняла видное место также во внешкольной работе учащейся молодежи. В руководстве этнографической работой школьных краеведческих кружков принимают участие сотрудники Этнографического музея и Института истории. В текущем году Этнографический музей и Институт истории разослали во все сельские школы особый вопросник о быте колхозной деревни. Между прочим, участие школ в этнографическом изучении Эстонии практиковалось и раньше, в 1920-х годах, и оказалось весьма эффективным.

Наконец, с краеведческой работой тесно связана деятельность свыше ста корреспондентов Этнографического музея. В 1959 г. Музей получил 5866 листов — ответов на разосланные опросные листы. К концу года музей располагал всего 81 644 листами ответов корреспондентов. Среди корреспондентов имеются представители разных профессий — ремесленники, колхозники, учителя; много среди них женщин. Работа корреспондентов не оплачивается, но наиболее активные из них премируются печатными изданиями музея, в отдельных случаях — и денежными премиями. В 1959 г., по случаю 50-летия музея, в целях поощрения корреспондентской работы было организовано соревнование по сбору этнографических материалов, обогатившее фонды музея 79 этнографическими описаниями на 2684 листах. Соревнование 1960 г. оказалось еще более плодотворным. Решено проводить такие соревнования периодически.

В первые послевоенные годы эстонские этнографы руководствовались в первую очередь необходимостью заполнить пробелы в материале и выработать принципы его научной обработки. Основные методологические установки в отношении содержания и форм этнографической работы в республике были сформулированы в статьях проф. Х. Моора и доц. А. Вассара⁶, опубликованных в 1947 г. в Ежегоднике I (XV) Эстон-

⁶ Н. Моора, Eesti etnograafia nõukogulikult ülesehitamisel (Эстонская этнография становится советской); А. Вассар, Etnograafilise kogumistöö ülesanded Nõukogude Eestis (О задачах работы по сбору этнографического материала в Советской Эстонии).

ского народного музея. В этих статьях ясно отражается проникновение в эстонскую этнографию материалистического понимания исторических процессов. Авторы статей указывают, что при исследовании эстонской народной культуры необходимо исходить из конкретного процесса общественно-экономического развития, строго учитывая при этом социальную дифференциацию. Подчеркивалось также требование самой тесной связи этнографии со смежными научными дисциплинами. Этот тезис позднее, в 1950-е годы, был с успехом претворен в жизнь при проведении широких комплексных исследований. Хотя основное внимание сначала все еще было обращено на изучение докапиталистической народной культуры, но уже выдвигалось требование изучения процессов культурно-исторического развития как в капиталистическом, так и в меньшей мере (главным образом в области возрождения народного искусства) в современном социалистическом обществе. Все эти положения были принципиально новые, отличные от этнографической работы в период буржуазной республики. Практическое применение их в исследовательской работе вначале наталкивалось на некоторые трудности, обусловленные, в первую очередь, отсутствием достаточного опыта, однако с каждым годом эти трудности все более преодолевались.

При сборе и обработке материалов внимание сосредоточивалось прежде всего на тех областях материальной культуры, которые прежде или вовсе не затрагивались, или же освещались тенденциозно и недостаточно, — например различные промыслы не сельскохозяйственного профиля, народные ремесла и торговля. В особенности изучалось отражение в материальной культуре эстонского народа его почти полуторатысячелетних связей с русским народом; предварительные результаты исследований в этой области опубликовала А. Х. Моора в 1950 г.⁷ При пополнении фондов особое внимание уделялось тем явлениям, которые характерны для периода вступления деревни на капиталистический путь развития; например, приобретались простые самодельные машины для обработки льна и пр., полные комплекты орудий труда разных ремесленников, изготовлялись макеты крупных рыболовных снастей. Фототеку по возможности пополняли детальными сериями снимков трудовых процессов, а также старыми фото-снимками народной одежды и др.

Большую роль в развитии этнографической науки сыграло Совещание по этнографии народов Прибалтики, состоявшееся весной 1950 г. в Москве, на котором были намечены мероприятия по координации исследовательской работы в Прибалтийских республиках. Когда в 1952 г. начала работать Балтийская этнографо-антропологическая экспедиция Института этнографии АН СССР, в ней приняли участие научные сотрудники Этнографического музея и Института истории АН ЭстССР. После реорганизации Балтийской экспедиции в Прибалтийскую объединенную комплексную экспедицию АН СССР в 1955 г., последняя стала координационным центром в области этнографической работы над проблемами Прибалтики и еще более укрепилось тесное сотрудничество с Институтом этнографии. В ежегодных маршрутных исследованиях, которые в рамках предусмотренной программы проводил эстонский отряд экспедиции, участвовал ряд этнографов ЭстССР. Они изучали крестьянские постройки и селения, народную одежду, земледельческие орудия, народную пищу, разные элементы материальной культуры в районах эстонско-русского контакта в восточной Эстонии. В программу работ эстонского отряда были включены также темы, до того времени слабо или совершенно не освещенные: морское рыболовство, средства передвижения и др. В 1958—1959 гг. деятельность эстонского отряда экспедиции была распространена и на сопредельные с Эстонской ССР Ленинградскую и Псковскую области, что дало новый важный материал, проливающий свет на эстонско-русские культурные связи.

Центральной проблемой эстонской этнографии по сей день продолжает оставаться этническая история и культурные связи эстонского народа. Вокруг этой проблемы концентрируется преобладающая часть проведенных в республике этнографических работ. Благодаря целеустремленной деятельности проф. Х. Моора и объединенным усилиям ученых — археологов, антропологов, языковедов, фольклористов и этнографов — в разработке этой проблемы достигнуты уже значительные результаты. В 1959 г. коллективу авторов сборника статей «Вопросы этнической истории эстонского народа» (Таллин, 1956) была присуждена 1-я республиканская премия газеты «Советская Эстония». Статья А. Моора в этом сборнике «Об историко-этнографических областях Эстонии» — первая серьезная попытка установить исторически сложившиеся на территории Эстонии культурные области и осветить процесс их возникновения путем сопоставления этнографического материала с данными языковедения, археологии и других смежных научных дисциплин.

Работа по изучению быта современной колхозной деревни в республике была начата в первые годы коллективизации в Эстонии. Материал по быту колхозной деревни с 1950-х годов начал собирать Этнографический музей АН Эст. ССР. Следует отметить, что разработка конкретных тем в историческом плане, вплоть до своевременности, прочно вошла в практику эстонской советской этнографии, причем большое внимание уделяется процессам эпохи капитализма, которые прежде исследователям обычно обходили.

⁷ А. Х. Моора, Эстонско-русские отношения в XVIII—XX вв. по данным этнографии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XII, 1950, стр. 45—54.

В связи с коренными переменами в современной деревне многие элементы традиционной материальной культуры начинают быстро исчезать. Поэтому в последние годы на первый план выдвигается необходимость в систематическом массовом пополнении фондов Этнографического музея. В соответствии с решением Президиума Академии наук ЭстССР от 1957 г. музей тогда же приступил к форсированному сбору материалов (за последние два года приобретено 4496 предметов) и будет продолжать его на протяжении всего текущего семилетия. В 1958—1959 гг. шел сбор материалов на территории, заселенной до войны шведами (острова Рухну и Вормсн и полуостров Ноароотси в Хаапсалукском районе), а также в ряде прежних кихелькондов юго-западной Эстонии, которые в этнографических коллекциях были представлены сравнительно слабо. На 31 декабря 1959 г. этнографические коллекции музея насчитывали 55 538 единиц. Научная обработка поступающего материала — срочная и трудоемкая работа, которой занято большинство научных сотрудников музея.

Рассмотрим вкратце результаты работы эстонских этнографов по изучению отдельных областей материальной культуры. Как уже отмечалось, в досоветский период лучше всего были исследованы рыболовство, земледелие, постройки и народная одежда. Однако обработка соответствующего материала была далеко не всегда удовлетворительной. Поэтому по всем указанным разделам пришлось продолжить работу, тем более, что изучение многих из них входит в программу работ Прибалтийской экспедиции.

Наибольшие успехи достигнуты в изучении эстонской народной одежды. В настоящее время она стала массовым праздничным костюмом, без которого немислмы, например, местные и общереспубликанские певческие праздники. В 1957 г. под редакцией Х. Моора вышла в свет совместная работа Этнографического музея и Института истории, посвященная эстонской народной одежде⁸. Этот труд, который вскоре выйдет и в русском издании, является одновременно научным исследованием, продвинувшим вперед изучение истории развития эстонской народной одежды, а частично и этнической истории эстонского народа и практическим руководством по изготовлению народных костюмов. Ряд статей А. Воолмаа и других посвящен отдельным группам народной одежды и более специальным вопросам⁹.

В изучении эстонских крестьянских построек впервые приступлено к прослеживанию новых типов жилищ, возникших в процессе развития капитализма во второй половине XIX — начале XX в. Особые заслуги в этой области принадлежат Н. В. Шлыгиной¹⁰. Проблема генезиса, раннего развития и распространения традиционной эстонской жилой риги пока остается спорной; для решения ее необходимо собрать и глубоко изучить дополнительный материал. Некоторые новые положения в этом отношении обещает исследование Т. Хабихт (Паэвере), долгое время занимавшейся изучением крестьянских построек юго-восточной Эстонии¹¹. Г. Троска из собранного ею обширного материала по истории селений северной Эстонии успела пока опубликовать лишь интересное сообщение о бобыльях деревнях, возникших на ранней стадии развития капитализма во второй половине XIX в.¹² Много материала об эстонских постройках

⁸ «Eesti rahvarõivaid XIX sajandi ja XX sajandi algult» (Эстонская народная одежда XIX — начала XX в.), Таллин, 1957.

⁹ А. А. Вольмаа, Народная одежда, смешанного русско-эстонского населения южной части Йыхвиского района, «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.)», Труды Ин-та этнографии АН СССР, XXIII, М., 1954, стр. 159—164; Л. Б. Треес, Исследование народной одежды эстонцев Вастселинаского района Эстонской ССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, XXIII, стр. 175—182; А. Voolmaa, Fr. R. Kreutzwaldi käsikirja Virumaa rahvarõivastest (Рукопись Фр. Р. Крейтцвальда о народной одежде Вирумаа), «Etnograafia Muuseumi Aastaraamat» (Ежегодник Этнографического музея, дальше — ЕЭМ), XVI, Таллин, 1959, стр. 219—246; Н. Ургу, Hõbehelmed ja eesti soost ehtemeistrid (О серебряных бусах эстонских крестьян и мастерах-эстонцах), ЕЭМ, I (XV), Тарту, 1947, стр. 138—156; А. Viies, Eesti vanem leksikograafia ja etnograafia (Значение первых трудов по эстонской лексикографии для истории эстонской народной одежды), «Emakeele Seltsi Aastaraamat» (Ежегодник Общества родного языка), VI, 1958, Таллин, 1959, стр. 184—193.

¹⁰ Н. В. Шлыгина, Эстонское крестьянское жилище в XIX — начале XX в., «Балтийский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, XXXII, М., 1956, стр. 48—94; е е ж е, Жилище эстонских крестьян в период буржуазной республики, «Сов. этнография», 1956, № 3, стр. 69—78.

¹¹ До сих пор опубликованы следующие статьи: Т. М. Паэвере, Жилой дом различных этнических групп населения Вастселинаского района Эстонской ССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, XXIII, стр. 165—174; Т. М. Хабихт, Постройки юго-восточной Эстонии во второй половине XIX в., Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции (далее ТПЭ), I, М., 1959, стр. 362—386; Т. Хабихт, Taluõuest ja mõnedest kõrvalhoonetest Kagu-Eestis XIX sajandi teisel poolel (О крестьянском дворе и некоторых хозяйственных постройках юго-восточной Эстонии во второй половине XIX века), ЕЭМ, XVI, стр. 88—147.

¹² Г. Троска, Mõningaid andmeid saunikute eluasemeist Põhja-Eestis (О бобыльях деревнях в северной Эстонии), «Изв. Академии наук Эстонской ССР» (в дальнейшем ИАН). серия общественных наук, 1958, № 4, стр. 264—273.

собрал архитектор К. Тихазе, опубликовавший пока лишь небольшой описательский обзор эстонского сельского жилища¹³.

Изучение построек в послевоенные годы базировалось в основном на данных маршрутных экспедиций и на ранее собранных в Этнографическом музее материалах. Маршрутные исследования не дают возможности получить всестороннее и исчерпывающее представление о крестьянских постройках; к тому же более старые постройки, связанные с единоличным хозяйством, сейчас в деревне исчезают. Поэтому Этнографический музей начал в 1959 г. систематическую съемку планов и составление описаний крестьянских построек, придерживаясь территориального принципа. Было принято на временную работу 20 внештатных чертежников, от которых поступило 1102 листа рисунков и чертежей, составленных под руководством научных сотрудников. Работа эта будет продолжаться и, несомненно, даст много новых материалов по истории развития эстонских крестьянских построек.

В области изучения земледелия результаты пока более скромны. Продвинулось исследование старинных эстонских сельскохозяйственных орудий, в частности — типов бороны¹⁴, изучались приемы ручного сева¹⁵.

В области рыболовства в прежней этнографии лучше всего изучена была рыбная ловля во внутренних водоемах, в то время как крупному коммерческому рыболовству на море уделялось меньше внимания. Систематическим изучением этого промысла занялся А. Лутс, опубликовавший предварительные результаты своих исследований в статье «Эстонское морское рыболовство в XIX—XX веках»¹⁶.

К почти не обследованным ранее областям относятся народные ремесла. В настоящее время опубликована монография автора настоящей статьи об истории эстонского народного деревообделочного ремесла¹⁷. Он занимается также средствами передвижения — в частности, санным транспортом¹⁸, а также верховой ездой¹⁹. Ю. Линнус занят изучением кузнечного дела, Э. Льюке — народной пищей²⁰.

В области народного искусства наиболее серьезное внимание уделено узорному ткачеству, мотивы которого особенно популярны в современном прикладном искусстве, причем не только на текстильных изделиях, но и на кожаных и ювелирных изделиях в росписи фарфора, оформлении книг. Выпущены альбомы вышивок²¹ и вязаных изделий²². Этнографический музей начал публикацию серии «Из сокровищницы старины», предназначенной для ознакомления общественности с музейными собраниями.

Эстонские этнографы занимались также монографическим изучением материальной культуры в отдельных областях республики. Особый интерес вызывает территория восточной Эстонии — полоса непосредственного контакта русского и эстонского населения. А. Моора изучает взаимовлияния русской и эстонской культуры в северо-восточной Эстонии²³. Е. Рихтер занимается исследованием самобытной этнической группы сету на юго-восточной границе республики, находившейся в течение длительного времени под русским культурным влиянием²⁴. В. Калитс опубликовала обзор

¹³ К. И. Тихазе, Эстонское сельское жилище XIX—начала XX века, «Архитектурное наследие», 8, М., 1957, стр. 57—78.

¹⁴ L. Kivisaar-Feoktistova, Eesti äkked (Эстонские бороны), ЕЭМ, XVI, стр. 11—61. Общий обзор см. Л. Х. Феоктистова, Старинные эстонские сельскохозяйственные орудия, ТПЭ, I, стр. 408—420.

¹⁵ R. Viidalerr, Eesti külvabinõud ja külvisamm (Принадлежности сева в Эстонии), ЕЭМ, I (XV), стр. 81—117.

¹⁶ «Сов. этнография», 1956, № 3, стр. 26—46.

¹⁷ A. Viires, Eesti rahvapärane puutööndus (Эстонское народное деревообделочное ремесло), Таллин, 1960.

¹⁸ A. Viires, Eesti tööree ajaloo (К истории эстонских саней), ИАН, 1958, № 1, стр. 58—71; его же, Nimetusest *poikpool* 'reepainard' ja selle tähtsusest ree arenguloos valgustamisel (О термине *poikpool* 'вяз саней' и его значении для изучения истории развития саней), ИАН, 1959, № 2, стр. 165—167; А. О. Вийрес, Саннный транспорт у эстонцев, ТПЭ, I, стр. 438—476.

¹⁹ A. Viires, Ratsutamine — vara rahvapärane liiklusviis. (Верховая езда — старинный способ передвижения), ЕЭМ, I (XV), стр. 36—80.

²⁰ E. Lõoke, Toidust eesti külas XIX sajandi teisel poolel ja XX sajandi algul (О пище в эстонской деревне во второй половине XIX—начале XX в.), ЕЭМ, XVI, стр. 68—84.

²¹ X. Линнус, Вышивка в эстонском народном искусстве, I, Северная Эстония и острова, Таллин, 1955, 120 стр. + 31 фото и 11 табл.

²² L. Saks, Mulgi kirikindad ja kirisukad (Узорные варежки, перчатки и чулки из южной Эстонии), Таллин, 1960.

²³ А. Х. Моора, Русские и эстонские элементы в материальной культуре населения северо-востока Эстонской ССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, XXIII, стр. 138—151.

²⁴ Е. В. Рихтер, Итоги этнографической работы среди сету Псковской области летом 1952 г., Труды Ин-та этнографии АН СССР, XXIII, стр. 183—193; ее же, Женская народная одежда сету, ИАН, 1954, № 1, стр. 51—68; ее же, К вопросу об этнической истории сету, ИАН, 1959, № 4, стр. 396—410.

рыбного и тюленьего промысла²⁵ жителей маленького острова Кихну, расположенного в прибрежных водах юго-западной Эстонии. В своеобразном быту немногочисленных жителей острова сохраняется много архаических черт.

В области семейной жизни, народных обычаев, обрядов и верований исследований проводилось относительно немного. Обзор древних верований эстонцев дала А. Моора²⁶. Народными обычаями занимались преимущественно фольклористы. Р. Виידалепп еще в 1941 г. начал изучать бытовавшие у эстонцев старинные формы коллективного труда и связанные с ними обычаи²⁷, а позднее показал, что бытование сказок в основном также было связано с коллективными работами или другими традиционными сборищами²⁸. Описания практиковавшегося еще в XIX в. пения во время работы и обрядов, которыми сопровождался труд, приводит Х. Тампере в своей антологии эстонских народных песен²⁹. Свадебные древние обычаи, в основе которых лежат традиции коллективной взаимопомощи, рассматривает С. Лятт³⁰.

По историографии эстонской этнографии также были предприняты исследования. Опубликованы обзоры этнографических наблюдений путешественника конца XVIII — XIX в. Хр.-И.-Ю. Шлегеля, а также этнографической работы М. Веске — одного из выдающихся деятелей прогрессивного направления в эстонском национальном движении³¹.

* *
*

Этнографическая собирательская и исследовательская работа в Эстонский ССР все более оживляется и расширяется. Она развивается в тесном контакте и сотрудничестве с этнографами других братских республик, особенно Российской Федерации, Латвийской и Литовской ССР. Как и все отрасли советской науки, этнография в Эстонии стала подлинно народной наукой, опирающейся в своей деятельности непосредственно на широкие круги народа.

Обширное поле деятельности ждет эстонских этнографов в ближайшем будущем. Быстрое преобразование эстонского общества, неизбежно сопровождающееся коренными изменениями в народном быту, выдвигает перед этнографами задачу усиленно-го планового сбора этнографического материала, вещественного и описательного, а также обмеров сельских построек. Это необходимо для обеспечения успешной исследовательской работы. Будет продолжаться и комплексная разработка круга проблем этнической истории и культурных связей эстонского народа, в особенности — славяно-прибалтийских связей. В начале 1960 г. для осуществления этой цели решением Президиума Академии наук ЭстССР уже намечены определенные организационные мероприятия. В связи с этим окажется необходимым расширить исследовательскую работу в соседних с Эстонией Ленинградской и Псковской областях. Более широкий размах примут также сбор и обработка данных о жизни и быте колхозной деревни.

Перед эстонскими этнографами встают и многие другие крупные задачи, наиболее срочными из которых являются подготовка историко-этнографического атласа, а также изучение жизни и быта рабочего класса. Осуществление всей этой обширной программы немислимо без роста кадров квалифицированных этнографов, чему сейчас должно быть уделено самое серьезное внимание.

²⁵ V. Kalits, Kihnalaste kalastusest (Рыбный промысел кихновцев), ЕЭМ, XVI, стр. 166—200; В. Я. К а л и т с, О тюленьем промысле на о. Кихну, ТПЭ, I, стр. 477—486.

²⁶ A. Moora, Eestlaste muistsest usundist (О древних верованиях эстонцев), сб. «Religiooni ja ateismi ajaloo Eestis», Таллин, 1956, стр. 7—41.

²⁷ R. Viidalepp, Kildsann ja muid endisaegseid külanoorde kooshäimisi (О старинных сборищах деревенской молодежи), «Eesti Kell ja Kirjandus», 1941, № 1; его же. Kollektiivtöö traditsioone Muhust ja Läänemaalt (Традиции коллективного труда на острове Муху и в Ляанемаском уезде), «Eesti Keel ja Kirjandus», 1941, №№ 2—4.

²⁸ R. Viidalepp, Rahvajutustaja rahva hulgas (Сказочник среди народа), ЕЭМ, XVI, стр. 275—296.

²⁹ H. Tamperre, Eesti rahvalaule viisidega (Эстонские народные песни с мелодиями), I, Таллин, 1956; III, Таллин, 1958. Ср. также Х. Т а м п е р е, Некоторые вопросы этнической истории в свете устного народного творчества, «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956, стр. 293—318.

³⁰ S. Lätt, Kollektiivne abistamine eesti pulmakoormetes (Коллективная помощь в эстонских свадебных обрядах), сб. «Paar sammukest eesti kirjanduse ja rahvaluule uurimise teed», Таллин, 1958, стр. 213—249.

³¹ A. Viires, Chr. H. J. Schlegeli «Reisen in mehrere russische Gouvernements» etnograafilise allikana («Путешествия...» Хр.-И.-Ю. Шлегеля как этнографический источник), ЕЭМ, XVI, стр. 249—270; его же, Mihkel Veske etnograafia-alasest tegevusest (О деятельности Михкея Веске в области этнографии), ИАН, 1956, № 4, стр. 297—305.